

УДК 12

Практики власти в телесном поле пространства личности

Эмирбекова Елена Эмирбековна

Кандидат юридических наук, доцент,
филиал ЮФУ в г. Махачкале,
367013, Российская Федерация, Республика Дагестан,
Махачкала, ул. Юсупова, д. 51;
e-mail: elena_1980@mail.ru

Аннотация

В статье в процессе социально-философского анализа выявляются практики власти в телесном поле пространства личности. Определяется главное назначение практик власти в телесном поле пространства личности. Указываются свойства тела, используемые в практиках власти, направленных на формирование телесного поля пространства личности.

Для цитирования в научных исследованиях

Эмирбекова Э.Э. Практики власти в телесном поле пространства личности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 4-5. С. 40-52.

Ключевые слова

Личность, пространство личности, телесное поле, власть, практики власти.

Введение

Актуальность обозначенной темы определяется необходимостью выявления и обоснования существования и функционирования практик власти в телесном поле пространства личности. При этом собственно само наличие практик

власти в телесном поле пространства личности обусловлено способностью личности воспринимать мир: а) через телесные ощущения; б) посредством формирования телесных образов либо через непосредственное зрительное восприятие объекта, либо через построение виртуального образа на основе его словесного описания. Следствием двух данных тезисов выступает несомненная важность выявления практик власти в телесном поле пространства личности и исследование их сущностных свойств, особенностей, собственно специфики формирования телесного восприятия личности.

Базовыми понятиями, определяющими логику раскрытия темы – практики власти в телесном поле пространства личности, выступают такие понятия, как *«телесное»*, *«телесное поле»*, *«телесное поле пространства личности»*.

Понятие *«телесное»* представляет собой самостоятельный социально-философский феномен, подробный анализ которого как одного из специфического качества личности в силу его материальности/телесности, то есть наличия материального тела, одним из первых осуществил Ж.-Л. Нанси. При этом свое тело личность воспринимает как телесное «бытие-при-себе», позволяющее ощущать мир и, ощущая, познавать. Чужое же тело личность осознает как чуждое явление, которое нельзя вместить в себя, но с которым приходится считаться. Свой анализ телесности с позиции социальной философии Ж.-Л. Нанси начал с трактовки тела как самоотчуждения «Я», принимающего форму тела. Отправной точкой в данном тезисе была установка на то, что Эго изначально состоит из различий, следствием расслоения которых является самость, обращенная вовне. Тело же как второй результат расслоения Эго предстает как самоотчуждение, развернутое вовне в силу того, что его основной имманентной истиной относительно себя есть «высказывание-показ», посредством которого личность заброшена в этот мир и через которое осуществляет «захват» пространства этого мира. В силу этого тело, по сути, предстает как воплощение материальной телесности. Таким образом, тело личности, проявляемое им через телесность, определяется Ж.-Л. Нанси как место, которое одновременно и не наполнено, и не пусто, поскольку не имеет ни функций/целесообразности, ни внешнего/внутреннего, ни частей/целого. То есть сущность тела по Ж.-Л. Нанси, как и власти по М. Фуко, заключается в том, чтобы не иметь сущности. Однако, если

власть у М. Фуко предстает как энергетический двойник, придающий форму социокультурным явлениям, тело у Ж.-Л. Нанси есть незавершенная форма и вследствие этого открытое для заполнения пространство. Кроме того, несмотря на то, что тело и власть предстают как явления без сущности, с точки зрения активности-пассивности они предстают полными противоположностями, поскольку власть есть крайняя точка активности, тело – крайняя точка пассивности универсального объекта. Это объясняется тем, что тело находится на границе и существует в качестве границы, представляя в качестве телесной/материальной возможности реализации событий рождения, чувствования, познания, смерти. И в тоже время в полной мере «своего» тела нет, оно всегда является только реконструкцией, так как тело – это то, что «внутри», а именно – сознание, в котором формируется представление о теле. И это «представление», сначала формируемое сознанием, а затем осознаваемое им, воспринимается как объект, противопоставленный «Я». То есть, по мнению Ж.-Л. Нанси, сознание и тело соотносятся через представления, которые, касаясь и через это касание вторгаясь друг в друга и опространствования существования, действуют как замена смыслов: представление дает телу смысл, и тело начинает воплощать собой знак смысла (подобно тому, как невозможно бытие «свободного духа» или чистого Эго, поскольку любая мысль есть определение, закрепленное внешними обстоятельствами, одновременно завоевывающее пространство и являющееся неким пространством, очерченным границами сформулированного и/или высказанного определения; воздействие на телесность в ее материализованной субстанции неизбежно оказывает влияние на сознание). В определенном смысле такое подчинение и происходит через применение властью практик в телесном поле пространства личности, когда тело, заполняя собой пустоту между двумя оппозиционными смыслами (например, «правое – левое», «внутреннее – внешнее») и играя роль некой инстанции противоречия, подчиняясь властному воздействию, начинает выражать внесенный в него посредством властных практик смысл. Через телесность происходит единение означающего и означаемого. Таким образом, «телесность» как понятие не является производной от материального тела, но принадлежит всем конструкциям, имеющим ментальные границы в социокультурном пространстве.

Практики власти и телесное поле пространства личности

Телесное поле как свойство личности оказывается одной из наиболее не защищенных мишеней в том плане, что легко конструируется властью в соответствии с особенностями эпохи, формируясь посредством создания представлений о телесном поле через создание образа тела. При этом формируемый образ тела всегда связан с официальной идеологической системой. Для подтверждения данного тезиса проведем социально-философский анализ телесных полей, существующих в разные историко-идеологические эпохи.

В Древней Греции, в отличие от последующих исторических периодов, не было противопоставления Самости и тела. Наоборот, они мыслились исходя из известного изречения («В здоровом теле – здоровый дух») как некое гармоническое двуединство. Более того, вся античная культура была направлена на эстетизацию и героизацию тела, формируя тем самым образ эстетически осмысленной телесности, где эстетическое мыслилось как разумное, а разумное – как эстетическое: как основополагающие составляющие жизни человека образованного, то есть эллина, а не варвара, они через культуру концептуализируются властью.

В Средние века под влиянием христианства была сформирована новая концепция телесности, ставшая полной противоположностью концепции телесности античности и замкнутая в дуальной антагонистичности «тела аскетического» «телу порочному». Вследствие этого через новую концепцию телесности происходит формирование нового типа сознания, где тело воспринимается как испытание, а не благо. Слабое тело трактуется как проявление угодности богу и гарантия получения благодати. То есть в качестве диспозитива власти выступает болезнь.

В Новое время развитие науки и промышленности актуализирует новый тип телесности – тело дисциплинарное, осмысленное с позиции пользы. То есть тело превратилось в орудие производства, получив новое свойство – экономическую полезность. Произошло новое «расчленение» тела: отчуждение от тела силы. То есть власть, противопоставив болезни и хаосу дисциплину и эффективность производства как залог благосостояния, задала новый тип со-

знания – сознание рационально-практическое, основной ценностью которого в полном соответствии с этикой картезианства стал критерий «полезности-для-меня».

В XIX веке на формирование образа телесности оказали достижения в области медицины, особенно патологоанатомии, превратившей смерть в предмет познания, что привело к созданию медицинской модели человека, «модели-труп» («Символический обмен и смерть» Ж. Бодрийяра). Именно данная модель способствовала доминированию символизма в восприятии телесности, поскольку симптомы болезни воспринимались как знаки, отсылающие к другим знакам – источникам или первопричинам, которые далее поступали точно также. Возникающий квадратурный символизм позволял обрести знакам некую понятную форму только в контексте поставленного вопроса. Все это в совокупности привело, с одной стороны, к развитию символического мышления, с другой, к смене парадигмы Средневековья (грех – покаяние) на новую парадигму (норма – патология), что послужило одной из основ в формировании нового типа сознания – сознания научного.

В XX веке самость и тело по-прежнему разделены, но самость оказывается вторичной по отношению к телу, поскольку в обществе доминирующие позиции занимает феномен «биовласти», в основе которого находится самоценность здоровья как диспозитива власти. Если в XIX веке здоровье тела трактовалось как экономическая целесообразность, то в XX веке здоровье перешло в статус самоценности в силу того, что только обладающий здоровьем может в полной мере получать удовольствие. То есть удовольствие в условиях массовой культуры превращается в средство порабощения самости телесностью, где тело есть «тело-удовольствия», посредством которого формируется новый тип сознания – сознание потребителя.

В XXI веке информатизация общества способствует созданию новой концепции телесности, где тело есть биологический аналог компьютера – «тело программируемое» – при помощи заданной системы действия на молекулярно-генном уровне. В результате «сфера игры переносится на клавиатуру собственного тела, а генетический код аналогичен пульту управления ... и существует ... микропроцессорная обработка желания, производство, контроль и учет

наслаждения» [Бодрийяр, 1999, 48]. В результате формируется «тело транс-сексуальное», что приводит к стиранию в сознании гендерных стереотипов. Таким образом, тело, имея смысл только как внешний атрибут, ни к чему не отсылающий знак, приобретающий смысл только в контексте постоянно меняющихся правил, становится симулякром, формирующим одномерное масс-медийное сознание. То есть каждая эпоха формирует образ тела в соответствии со своей идеологией через создание образа телесности, причем данный образ тела предопределяет тип сознания.

Таким образом, телесное поле пространства личности есть производное от соединения внутреннего восприятия своего тела (образ Я-тела) и мнения о личности на межличностном, социальном уровнях, оформленные как образ Его-тела, имеющего протяженность за границы физического тела личности и очерченного ментальными границами. Однако телесное поле пространства личности всегда остается полуоткрытым пространством без абсолютного наполнения. Насыщение телесного поля пространства личности ментальными конструкциями происходит не только при помощи личностного представления о своей субъективной телесности, но и при помощи совокупных тел – телесных конструкций, не являющихся собственно индивидуальным телом в физическом смысле, но функционирующих в тесной взаимосвязи с ним. Соответственно, телесность представляется качеством, свойственным любой устойчивой группе людей. В современной научной литературе в качестве явления подобного вида исследуется «массовое тело», которое может быть представлено телом толпы, телом армии, административным телом, телом политическим и классовым, телом нации. Данные тела организованы между собой на основе единого принципа, имеют общие функции и локализацию в социокультурном пространстве (форму), что позволяет квалифицировать их как самостоятельные тела. Кроме того, существует самостоятельная группа диффузных тел, обладающих материальным субстратом, которая не является совокупностью человеческих тел, а принадлежит символическому миру и занимает промежуточное место между материальными культурными мирами (например, «тело города» (Ж. Бодрийяр), «тело капитала» (Ж. Делёз, Ф. Гваттари, Ж.-Л. Нанси)). Данная группа настолько глубоко символична, что при изъятии из мира символическо-

го прекращает свое существование. Однако общим для всех перечисленных конструкций, насыщающих телесное поле пространства личности, является то, что они являются результатом глобального дискурса власти, посредством которого власть и формирует специфический облик эпохи через предзаданность внутриличностного уровня. То есть телесное поле пространства личности, выходя за пределы субъективной телесности, включает в себя концептуальное лингвистическое тело, диффузные тела (тело города, тело капитала), массовое политическое тело. Таким образом, телесное познание окружающего мира представляет собой многослойную систему, изначально предопределяющую восприятие. При этом телесный код фактически не осознаваем в отличие от лингвистического, вследствие чего он тотально предзадает телесное поле пространства личности. В телесном поле пространства личности не происходит диалога в системе «власть – личность», как это происходит в визуальном поле пространства личности, но один монолог власти, осуществляемый посредством практик власти.

Практики власти в телесном поле пространства личности осуществляются как диспозитивы, оформляющие тело, где власть, исходя из ее локальности, тотальности и имманентности социокультурным феноменам, выступает как перманентный фон. Первой практикой власти в телесном поле пространства личности является разделение властью самости и тела в сознании личности. Исходя из того, что тело всегда для личности предстает как «Другой», оставаясь всегда неким незнакомцем, которого невозможно узнать, расшифровать, предсказать, власть предоставляет набор средств «обживания» тела. При этом данный набор средств всегда вписан в социокультурный контекст, представляя собой «...традиционные способы, посредством которых люди в различных обществах пользуются своим телом ... поскольку ... тело есть первый и наиболее естественный инструмент» [Мосс, 1996, 242-248] личности.

Однако при внимательном рассмотрении тело как инструмент личности фактически управляется не ею, так как способы «обживания» тела созданы не самой личностью, а внедрены в ее сознание воспитанием и существующей в обществе системой моральных и интеллектуальных символов. При этом общим основанием данных способов «обживания» тела и управления им во всех

цивилизациях выступает воспитание сдержанности поведения как внешнее проявление внутреннего запрета на выражение аффективных эмоций. Однако это и приводит в конечном счете к расколу личности на «Самость», то, чем Я являюсь, и «то, что Я должен контролировать», то есть мое Тело.

Второй практикой власти в телесном поле пространства личности является знание как осознание целесообразности предлагаемых обществом телесных способов проявления себя в процессе жизнедеятельности. В науке выделяют три основных вида знания – обыденное, магическое, научное, но все они центрированы вокруг одного стрижня – идеологии, принадлежащей, соответственно, обыденному, мистическому, рациональному мирам. Когда происходит сращивание знания с повседневностью, идеология может перестать осознаваться, но от этого ее воздействие на личность не уменьшается. Так, например, многие приметы и их значение забыты, однако ритуал «присесть на дорожку» сохранился во многих финно-угорских и тюркских группах. Таким образом, знание как практика власти организует телесность, представляя собой фон социальности, на котором происходит интеграция личности в общество.

Все практики власти в телесном поле пространства личности, соединяя в себе дискурсивные и недискурсивные моменты, в большинстве случаев остаются за гранью рефлексии, передаваясь из поколения в поколение через подражание и практически предопределяя цивилизационную специфику. Кроме того, знание влияет и на формирование мироощущения личности через организацию телесности, поскольку тело есть первичная реальность, с которой сталкивается пришедший в этот мир, и призму, через которую он ее неизбежно преломляет, формируя свое телесное восприятие окружающего мира.

Третья практика власти в телесном поле пространства личности – дискурсы боли и удовольствия, взаимодействие которых является мощным способом формирования исторического типа телесности. Власть, стремясь контролировать тело, неизбежно вынуждена задействовать Самость. Именно в нее вкладываются все правила, установки, нормы в виде свода социально приемлемых желаний. И в нее же внедряются представления о последствиях в виде системы боли/удовольствия или наказания/поощрения в иной трактовке. В зависимости от исторической формации властвование осуществляется посред-

ством акцентирования боли/страха, боли/наказания или удовольствия/желания, удовольствия/поощрения. То есть созданная практикой власти в телесном поле пространства личности вокруг тела самость становится надсмотрщиком тела.

Подтверждение этому можно найти в исследованиях П. Бурдьё, который при помощи ментальной конструкции – габитуса (совокупности схем восприятия, мышления, действия, особым образом организованной и имеющейся в любом организме) – анализировал социальность. Основу же данной системы, по мнению П. Бурдьё, составляет именно телесная составляющая, представленная как «немой опыт мира», формируемый в процессе усвоения практических навыков и воспринимаемый личностью в последующем в виде «практического чувства». А уже через упорядочение тел в пространстве формируется нужный строй мыслей и чувств, то есть «социальные механизмы, обеспечивающие выработку законосообразных габитусов» [Бурдьё, 2001, 153]. Таким образом, включенные в практику повседневности дискурсы боли и удовольствия, формируя определенный тип тел и, следовательно, возведенные в статус витальных потребностей личности, предопределяют тип личности, соответствующий типу исторической формации.

Четвертой практикой власти в телесном поле пространства личности является гиперреальность как продукт информационного общества. Информационное общество, являясь по своей сути неким информационным сгустком, не нуждающимся для поддержания своего существования в информационной среде в биологическом носителе, создает гиперреальность, формируя в ней гиперреальные тела. Практически исчерпав ресурсы боли и удовольствия в объективной действительности, власть перенесла их в гиперреальность: неограниченная власть над своей судьбой, виртуальное бессмертие, виртуальная свобода. При этом тело, меняясь в зависимости от уровня гиперреальности, в которую оно должно вписаться в данный момент, свелось к цепочке плавающих в гиперреальности означающих, потеряло границы и стало аморфным. Фактически гиперреальность как практика власти в телесном поле пространства личности сводится к управлению данными означающими: изменение означающих приводит к изменению тел.

Заключение

Телесное поле пространства личности есть производное от соединения внутреннего восприятия своего тела (образа Я-тела) и мнения о личности на межличностном, социальном уровнях, которые оформлены как образ Его-тела, имеющего протяженность за границы физического тела личности и очерченного ментальными границами. Выявлены практики власти в телесном поле пространства личности: разделение в сознании личности тела и самости, знание, дискурсы боли и удовольствия, гиперреальность. Определено главное назначение практик власти в телесном поле пространства личности: применение властью практик в телесном поле пространства личности заставляет тело, заполняя собой пустоту между двумя оппозиционными смыслами (например, «правое – левое», «внутреннее – внешнее»), выражать внесенный в него посредством властных практик смысл. Через телесность происходит сращение означающего и означаемого. Указаны свойства тела, используемые в практиках власти, направленных на формирование телесного поля пространства личности.

Строго говоря, образ тела и в конечном счете телесное поле пространства личности формируются в большой степени при помощи визуального пространства личности через зрение в силу того, что для создания образа своей телесности изначально необходимо свое тело увидеть. Но как только мы его увидели, начинается процесс интерпретации в заданных социокультурной матрицей зрительных и языковых стереотипах. Таким образом, телесное поле пространства личности выступает как производное от языкового и визуального полей пространства личности. Собственно образ тела предстает в данном контексте в виде воображаемой конструкции, включающей в себя характерологические черты, мыслимые личностью как элемент, составляющий субъективность.

Основываясь на этом, можно сделать следующее заключение: собственно личность в большой мере есть результат, сформированный визуальным миром, поскольку именно свойства видимой реальности обеспечивают специфику личностного иллюзорного восприятия объективности. При этом как иллюзорные, так и отражающие фактическое положение вещей зрительные образы

изначально предопределены одним законом: представление о сущности явления формируется на основе установления его связи с наиболее ярким внешним признаком.

В современном обществе применение практик власти в телесном поле пространства личности осуществляется преимущественно на стыке внутриличностного и социального уровней пространства личности. Практики власти в телесном поле пространства личности позволяют власти внедрять нормы поведения и реагирования на досознательном, нерефлексивном уровне, что превращает их в наиболее мощное орудие воздействия на личность.

Библиография

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 224 с.
3. Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. 562 с.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
5. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996. 360 с.
6. Нанси Ж.-Л. Corpus. М.: Ad Marginem, 1999. 255 с.

Practices of power in the bodily field of personality space

Elena E. Emirbekova

PhD in Law, associate professor,
the branch of the Southern Federal University in Makhachkala,
367013, 51 Yusupova str., Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation;
e-mail: elena_1980@mail.ru

Abstract

The article explores the practices of power in the bodily field of personality space. The author of the article identifies the main purpose of these practices and shows the influence of power practices on the formation of the bodily field of personality space. The author points out that the practices of power in the bodily field of personality space include the following: the separation of body and self in consciousness, knowledge, discourses of pain and pleasure, and hyperreality. The main purpose of the practices of power in the bodily field of personality space is to make the body fill the void between two oppositions and express what has been injected into it through the practices of power. In modern society the practices of power in the bodily field of personality space are mainly used at the intersection of intrapersonal and social levels of personality space. The author of the article thinks that the practices of power in the bodily field of personality space allow the authorities to establish standards of conduct and response at the unreflective level, which turns them into the most powerful tool for influencing any personality.

For citation

Emirbekova E.E. (2015) Praktiki vlasti v telesnom pole prostranstva lichnosti [Practices of power in the bodily field of personality space]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 4-5, pp. 40-52.

Keywords

Personality, personality space, bodily field, power, practices of power.

References

1. Baudrillard J. (1976) *L'échange symbolique et la mort*. Paris: Éditions Gallimard. (Russ. ed.: Bodriiyar Zh. (2000) *Simvolicheskiy obmen i smert'*. Moscow: Dobrosvet Publ.)
2. Baudrillard J. (1978) *Le système des objets*. Paris: Éditions Gallimard. (Russ. ed.: Bodriiyar Zh. (1999) *Sistema veshchei*. Moscow: Rudomino Publ.)

3. Bourdieu P. (1980) *Le Sens pratique*. Paris: Minit. (Russ. ed.: Burd'e P. (2001) *Prakticheskii smysl*. St. Petersburg: Aleteiya Publ.; Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ.)
4. Deleuze G., Guattari F. (1972) *L'Anti-Oedipe*. Paris: Minit. (Russ. ed.: Delez Zh., Gvattari F. (2007) *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya*. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ.)
5. Mauss M. (1950) *Sociologie et anthropologie*. (Russ. ed.: Moss M. (1996) *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ.)
6. Nancy J.-L. (1992) *Corpus*. Paris: Métailié. (Russ. ed.: Nansi Zh.-L. (1999) *Corpus*. Moscow: Ad Marginem Publ.)